

Елена Соковенина
Наталья Поваляева

ШЁЛ

ТРАМВАЙ

ДЕСЯТЫЙ

НОМЕР...

**Наталья Поваляева
Елена Соковенина**

Шёл трамвай десятый номер...

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8230256

Соковенина Е., Поваляева Н. Шёл трамвай десятый номер...: Adventure

Press; Москва; 2014

ISBN 978-993-484-772-1

Аннотация

Представьте себе небольшой европейский городок. Кое-кто вообще считает его крошечным. А все-таки, какая ни есть, европейская столица. Жизнь в городке так и бурлит.

Бурными событиями город обязан, конечно, трамваю. Вот в вагон входит Безработный – как обычно, недоволен правительством. Вот Бабуля – тоже, как всегда, везет своего внука Школьника на урок музыки. А вот интеллигентный Фотограф и – а это важнее всего! – Мадам. В неизменном синем кепи и с кульком печенья в руках. У нее – ну, разумеется, как всегда! А вы как думали? – приключилась очередная душераздирающая драма.

А трамвай номер десять всегда ходит точно по расписанию.

Содержание

Мадам садится в трамвай	4
На фото – куст растерзанный и флейта...	10
Нашествие шкафов и лепесток увядшей магнолии	15
Сапфо и инопланетяне	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Елена Соковенина, Наталья Поваляева

Шёл трамвай десятый номер...

Посвящается Миранде Харт, чье незримое (а также зримое) присутствие непрерывно осеняло.

Мадам садится в трамвай

Представьте себе небольшой европейский городок. Кое-кто вообще считает его крошечным. А все-таки, какая ни есть, европейская столица. Как говорят здешние граждане.

Теперь идемте, нам пора на трамвай! Скорее, пока он не уехал!

Трамвай номер десять проезжает город насквозь. От цирка, что через дорогу от железнодорожного вокзала – к самому шоссе, соединяющему наш городок с другими европейскими городами. А через них – со всем миром. Стало быть, городок наш как есть мировая столица.

Здесь буквально цветет цивилизация. Последние достижения науки и техники. Культуры и искусства. А спорт! Чего

стоит один только ежегодный городской чемпионат по прыжкам в высоту! Жизнь в городке так и бурлит.

Смотрите, это Мадам.

Это Мадам

Дама гренадерского роста в матерчатом кепи и с кульком печенья в руках. Она как раз села на свое любимое место – у окна в самом конце вагона. Во-первых, здесь некому глазеть, как вы едите печенье. Во-вторых, это единственное место в вагоне, позволяющее удобно поставить ноги.

А видите того интеллигентного господина в очках? Это Фотограф. Он как раз делает вид, что не заметил Мадам. Почему, спросите вы? Очень просто: чтобы не здороваться. Потому что тогда Мадам заявит:

– Не могу сказать, господин Фотограф, что день такой уж добрый. После того, что вы сделали со мной в нашу последнюю встречу, у меня все дни недобрые.

Тут обернется Старикашка. Он всегда ездит на переднем сиденье – так удобнее беседовать с Водителем. Хотя тот и повесил табличку:

ОТВЛЕКАТЬ ВОДИТЕЛЯ РАЗГОВОРАМИ
СТРОГО ЗАПРЕЩЕНО!

– Думаю, господин Фотограф теперь должен жениться! – в восторге от своего остроумия захихикает Старикашка.

Школьник начнет хамски прыскать в кулак. Сейчас Бабуля (она неизменно сопровождает внука) тоже повернется, чтобы посмотреть на Мадам, и вы сможете его увидеть. Ему лет десять, а вы же знаете, как ужасно ведут себя современные дети. Особенно в этом возрасте.

Мы с вами такими не были. Не были ведь? Вот, видите!

Школьник, как обычно, едет к учительнице музыки – учиться играть на скрипке. Бабуля одернет внука за руку, отчего мальчишка зажмет рот, и прысканье превратится в безобразное хрюканье.

Тогда Фотограф с достоинством ответит:

– Простите меня, мадам, но все-таки вы сложная модель. Немного нефотогеничны.

– Я? – выпрямляя спину, возмутится Мадам. – Это я нефотогенична? Это вы усадили меня на эту вашу крошечную табуретку! И замучили своими придирками! Зачем вы

сунули мне в руки этот жуткий револьвер?

– Боже милостивый! – вскрикнет Бабуля.

– Не заряжен! – заметит Фотограф и в доказательство поднимет трость в воздух.

– Не в этом дело! – отрежет Мадам. – Я не просила вас. «Дайте мне что-нибудь тяжелое, неуклюжее, с чем я не умею обращаться». Я просила дать мне что-то занять руки! Вы же знаете, что мне непременно надо куда-то их девать!

– Но ведь я предлагал вам: возьмите букет! – укажет ей Фотограф.

– Фи, – возразит на это Мадам. – Букет – пошло. Револьвер – тяжело. Связка баранок – недостойно. Как вам только не стыдно делать такие намеки? Водолазный костюм – да это просто...

Все наострят уши, но тут Безработный заметит:

– Знаете, что вчера писали газеты? В стране опять выросла безработица! Это все приезжие. Развелось, понимаете, как тараканов, сами ничего не умеют, только работу у местного населения отнимают! Работают-то ведь за гроши!

На этом месте в вагоне начнется обсуждение. Обсуждение перерастет в спор. Спор станет бурным. Начнут вспоминать правительство, цены на воду, Гаагский трибунал, права человека, способы консервирования крыжовника и лечения помидорной рассады. А также ужасное происшествие на прошлой неделе: злоумышленники буквально выели конфеты в бакалейной лавке, оставив шесть (6!) пустых коробок

на полке. Ну, и так далее, и тому подобное.

– За гроши! – повторит Безработный и погрозит кулаком неизвестно, кому. – За гроши!

Мадам, которая изо всех сил сдерживалась, не выдержит:

– Гроши?! – возмутится она. – Хорошенькие гроши! Вы же представления не имеете, сколько я каждый раз плачу за портрет!

– Сколько? – тоже не выдержав, спросит Молодая Особа.

Она сидит в середине вагона. (Очень застенчива – из-за прыщей. Втайне мечтает стать звездой экрана).

– Дорого! – отрежет Мадам.

А Бабуля наверняка заметит:

– Мне кажется, милочка, что за те деньги, которые вы тратите на свои портреты, можно было бы...

Тут Бабуля задумается. Она уже исчерпала все возможные предложения. Бассейн, гимнастический зал, курсы танго, путешествие в Таиланд, пять визитов к специалисту по здоровому питанию, все необходимое для диеты Пиндельгарста, курс клизмы «Весенний лес», лыжные палки для финской ходьбы, шесть теннисных ракеток и две пары утягивающих панталон «Хильда».

Мадам тоже задумается. Вот уже три года каждые два месяца она приходит в ателье Фотографа. И всякий раз получается все, что угодно, только не идеальный портрет. А ведь без портрета никакой пользы обращаться в Службу Знакомств. А жизнь так коротка – оглянуться не успеваешь, как она уже

на середине. И даже не то, что на середине, но даже и . . . после середины. Вы представляете? После середины жизни! Нет, это ужасно. Самые решительные меры – вот, что необходимо предпринять.

– Конечная! – говорит на этом месте Водитель. – Приехали, господа!

И в доказательство распахивает все двери.

Фотограф, прикрываясь газетой, покидает вагон, и Мадам, которая только сейчас его заметила, только и успевает, что крикнуть:

– Вы меня еще увидите!

На фото – куст растерзанный и флейта...

– Мне один билет, будьте любезны.

– Натe, дамочка!

Это Тенор

– Ай, прекратите вы эти ваши «Нате!». Натe! Натe!!! И кто это здесь, по-вашему, дамочка?! Хам!

Мадам, гневно вибрируя, запихивает сдачу в кошелек, в то время как Кондуктор, сияя улыбкой и лаковым козырьком фуражки, перемигивается со Школьником, самозабвен-

но облизывающим металлический замочек скрипичного футляра.

– Ты что это творишь?! – вскрикивает Бабуля и дает внуку подзатыльник. – Вы только посмотрите на него! И это будущая звезда камерной сцены! Ну, что – нализался микробов? Хочешь, чтобы посреди урока начался понос, да? Чтобы учительница потом мне выговаривала – вот, ваш внук весь урок просидел в уборной, и мы не успели разобрать скрипичный концерт Сибелиуса!

Школьник перестает оближивать футляр и затравленно смотрит в окно. Его явно пугает перспектива разбора скрипичного концерта Сибелиуса. В этот момент трамвай делает резкий рывок вперед, и Мадам, выдав неожиданно высокое «Ой!», пытается сохранить безвозвратно утраченное равновесие, балансируя ридикюлем в правой руке и билетом – в левой, однако не преуспевает и несется по проходу, исполняя достойную фигуриста-олимпийца дорожку шагов. Завершается акробатический этюд приземлением Мадам на колени сидящему в самом конце салона Фотографу.

– Я ужасно извиняюсь, я не хотела, – молвит Мадам, наваливаясь на Фотографа мощным бюстом.

– Ничего-ничего, мне даже немного приятно, – галантно отвечает придавленный Фотограф.

– Немного? Да вы все здесь сегодня сговорились! Хамы! – распаляется Мадам, однако, спохватившись, резко меняет тон. – Хотя вы знаете, у меня к вам есть дело!

– Я заинтригован, – тоном смертельно скучающего миллионера говорит Фотограф.

Мадам сползает, наконец, с колен своей жертвы на соседнее сиденье и долго роется в ридикюле. Поиски увенчиваются успехом, и на свет выуживается измятая концертная программка.

– Вчера я была в опере...

– Надеюсь, мировая пресса уделила этому событию должное внимание!

– Ах, да прекратите вы! Так вот – я была в опере, и там один тенор... Вот, смотрите, – Мадам указывает алым ногтем на имя в программке, – вот он. Он пел божественно, божественно!

– Остается только поздравить его, – кисло улыбается Фотограф. – Но причем тут я?

– Я поняла, что он – моя судьба! К черту Службу Знакомств. Я всю ночь не спала, думала... Мы должны быть вместе! Я видела, он выделял меня среди публики! Он глядел на меня, словно бы говоря взглядом: «Ведь мы с вами всё понимаем, правда, Мадам? Мы не такие, как все они!»

– Прямо так и говорил? – картинно изумляется Фотограф.

– Словно бы говорил взглядом, – ледяным тоном повторяет Мадам.

– А-а-а, словно бы...

– Но это всё неважно – говорил или словно бы говорил! Важно, чтобы он понял, что я уловила его послание! – Ма-

дам придвигается к Фотографу и ухватывает его за полу пиджака. – И тут мне поможете вы!

– Каким же образом? – Фотограф, Кондуктор, Бабуля, Школьник и трое случайных пассажиров выражают живейшую заинтересованность.

– Вы сделаете мой фотопортрет! В такой богемно-декадентской манере, знаете ли...

– Мадам, после истории с револьвером и табуреткой...

– Никаких револьверов! Я все продумала во время бессонной ночи. Я буду сидеть на фоне растерзанного розового куста – розовый куст вам придется найти, а растерзаю я его сама, – вся в восточных шелках (возьму напрокат в ателье, у меня как раз в соседнем доме есть одно – "Allure" называется), в вельветовом тюрбане (достался мне от прабабушки – немного проела моль, но можно замаскировать янтарной брошью) и с каким-нибудь музыкальным инструментом... флейтой, например. Ее можно эротично поднести к губам и...

– Мадам, по-моему, вам больше подошел бы контрабас! – кричит из противоположного конца вагона Кондуктор.

– Вы... вот я вам... Хам! – кричит в ответ Мадам, но Фотограф отвлекает ее внимание:

– Мадам, но даже если мы и сделаем это декадентское фото с растерзанным кустом и флейтой – как оно поможет?

– Я же говорю – у меня есть план! Я подкуплю гардеробщицу в Опере, и она подбросит мое фото в гримерку этому

тенору... этому волшебному созданию! И тогда он всё поймет и...

– И эмигрирует в Бразилию! – подает голос Кондуктор, и весь салон оглашается дружным хохотом.

– Хамы! – констатирует Мадам.

– «Филармония»! – объявляет Водитель. – Следующая остановка – «Психиатрическая лечебница».

– На следующей выходите? – невинно улыбаясь, спрашивает Фотограф.

– Ну, вы у меня... Я вам всем покажу! Вы еще услышите обо мне! – Мадам встает и демонстративно пересаживается на свободное место в середине салона.

В вагоне устанавливается дружелюбная тишина.

Нашествие шкафов и лепесток увядшей магнолии

– Купить ли мне плащ цвета увядшего лепестка лиловой магнолии? А? – размышляет Мадам, сидя, как всегда, в трамвае на своем любимом месте у окна.

– Купить! – отвечает ей Молодая Особа.

Мадам вздрагивает. Она думала, что размышляет про себя. Мысленно.

– Купить-купить, – болтает ногами Школьник. (Они с бабушкой сегодня как раз уселись позади Мадам).

Мадам медленно оборачивается.

– Купить-купить-купить! – восклицает она. – Я победила!

– Купить-купить сто пятнадцать тысяч раз! – не выдерживает Бабуля со Школьником. – Нет, победила я!

Это Бабуля. И Школьник

В доказательство достает из сумки автомобильный клаксон и дудит Мадам в ухо.

Мадам подскакивает, но не теряется, воеет в охотничий манок для уток, пугает пассажиров (заодно привлекая внимание всей улицы) и, гордая своей изобретательностью, прячет манок обратно в карман.

В вагоне воцаряется тишина. И очень кстати. Потому что именно в этот момент Водитель закрывает двери, и трамвай номер десять трогается с места.

Фотограф прокашливается.

– Стесняюсь просить, – говорит он как бы в пространство, – а вам, Мадам, доводилось ли когда-нибудь видеть

увядшие лепестки лиловой магнолии?

– Ну, как вам сказать... – Мадам глядит через стекло на улицу. – Я их представляю!

– Шалуны! – бубнит себе под нос Безработный. – Резвухи! Свистульки.

Он вытягивает свои ноги так, что никто не смог бы пройти мимо, не спросив вежливого разрешения их владельца. Бабуля собирается сделать ему замечание, но тут вдруг неожиданно для себя сообщает:

– А я вот куплю себе морской капусты!

Мадам дергает плечом. Бабуля поджимает губы.

– Вы что-то имеете против морских капуст, милочка?

– Эти ваши морские капусты... – вмешивается Безработный.

При этом он делает ужасающую гримасу.

– А в глаз? – интересуется Бабуля.

– Ха, – Мадам победно качает ногой. – Он спрячется от вас в шкаф!

– Я спрячусь от вас в шкаф, – подтверждает Безработный и действительно прячется в шкаф.

Шкаф стоит в вагоне.

– Это ваш шкаф? – спрашивает Бабуля. – Скоро там окажется скелет!

На это Мадам пожимает плечами.

– Ну что же, – говорит она, чтобы старая ведьма, наконец, отстала, – я повешу на него пальто.

В эту минуту (как, впрочем, и все остальное время) Мадам думает о теноре. И изо всех сил не замечает оценивающих взглядов Безработного. Наконец, Безработный достает грязный платок.

– А что у вас нормальное есть? – и шумно, как самая большая труба в пожарном оркестре, сморкается.

Мадам и Бабуля переглядываются.

– У нас, – строго говорит Бабуля, – всё нормальное!

– А вот таракан! – Безработный предъясвляет таракана.

Все подсказивают.

– Хам! – вскрикивает Мадам.

– А что вы хотели? – Безработный выглядывает из шкафа. – При таком правительстве в каждом доме тараканы так и кишат!

– О, Господи, – говорит Бабуля. – Уберите своего питомца, а то я тоже спрячусь в шкаф.

– Да ведь там уже сидит этот господин, – замечает ей Мадам.

– Не в этот, – Бабуля машет руками, – а в другой!

И действительно, в вагоне не один, а два шкафа. Хотя до этого дня не было известно ни одного случая, чтобы шкафы перевозили в трамваях.

– Если и этот шкаф мой, – Мадам ехидно сжимает губы, – тогда я повешу туда халат!

– А если не ваш? – язвит Бабуля.

Но Мадам просто так не уесть.

– А чей же? – спрашивает она с наивным видом. – Чей это шкаф?

Бабуля и Школьник смотрят друг на друга.

– Да мало ли, – Бабуля пожимает плечами, – кто тут шкафов понаставил!

– Кто? Кто? – продолжает издеваться Мадам. – Кто их тут понаставил?

Бабуля надолго замолкает.

– А может, шкафы сами понаставились? – предполагает она.

– Вообще сами, – поддакивает ее внук.

И Школьник с Бабулей залезают во второй шкаф. Но мысли Мадам уже вернулись к животрепещущему.

– Шкаф! – она улыбается себе под нос. – Вообразите, господин Фотограф: некий загадочный шкаф. У вас ведь есть шкаф? Дверцы заперты, но сама атмосфера... Это будет мистификация. Вообразили? Маленькая уютная комната, кружевной пеньюар на стуле, веер, пуховка, флакон духов – и из шкафа – край плаща цвета увядшего лепестка лиловой магнолии.

– И что же? – спрашивает Фотограф.

– Ну, как же, – Бабуля в шкафу щелкает застежкой сумки. – С тараканом! Тенор видит таракана, берет свою самую высокую ноту – вы это хотели сказать, дорогая? Я прямо вижу этот триумф! Вы уже отрепетировали поклоны?

– А нет ли там, – Мадам сверяется со списком, который

держит в руках, – самопонаставляющихся уборщиц? Старых, толстых, в парике, с внуками школьного возраста и большими сумками? Случайно.

– Не знаю! – судя по шуршанию и причмокиванию, Бабуля кладет в рот свой обычный мятный леденец. – Мне из шкафа не видно!

Безработный хохочет. Водитель тоже хохочет. Гогочет Школьник. Улыбается Фотограф. Хихикает Молодая Особа. И даже вой охотничьего манка для уток не заставляет их успокоиться. Вагон качает на повороте.

– Хам! – кричит Мадам. – Хамы!

И, яростно помогая себе зонтом, марширует к дверям.

Вслед ей дудят из шкафов клаксоны.

Тут Мадам просыпается, обнаруживает, что сидит она в вагоне, что рядом нет никаких шкафов, и что проехала свою остановку, а никто и не подумал ей об этом сообщить.

– Хамы! – с достоинством произносит она и торопится к выходу, помогая себе зонтом.

Сапфо и инопланетяне

– Ну, вы слышали уже новость? – удобно устраиваясь у окна, спрашивает Бабуля у сидящей напротив дамы в плаще цвета увядшей магнолии.

– А что такое? – тревожится дама.

– Ну, как же, – закатывает глаза Бабуля, предвкушая наслаждение. – Скоро нас всех колонизируют.

– Колонизируют, – сдавленным шепотом поправляет Бабулю Школьник.

– Не груби бабушке! – шипит Бабуля, но, тем не менее, исправляется:

– Колонизируют! Нас всех!

– Святые угодники! – вскрикивает дама напротив и прикрывает рот ладошкой. – А известно ли – кто?

– Конечно, известно! – победно сверкая глазами, молвит Бабуля. – Инопланетяне.

– Ой, – глухо всхлипывает собеседница. – И что – скоро?

– Да они уже летят к нам! Просто от их галактики до нашей – сколько-то там тысяч световых лет, точно не помню – сколько. Это было в утренней газете! Лет через пять примерно они долетят, и тогда захватят нас!

– И что же будет?

– Ну, что будет – никто в точности не знает. Британские ученые предполагают, что инопланетяне будут ставить над

нами всякие опыты. У них ведь нет никаких чувств, только разум, поэтому они даже не поймут, что причиняют нам страдания. А потом они сотрут нашу память, и мы забудем, кто мы, откуда – всё забудем напрочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.